

И. Поздняков

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

Проникновенный лиризм отличает стихотворения Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908). Его помнят все почитатели Блока. Стихотворение-признание завораживает читателя своей искренностью мелодии. Оно обращено к покинувшей его жене; Блок действительно любил ее, душой любил, ее одну. Этой любовью овевано творчество поэта, какое бы беспутство ни овладевало им порой. Растерянность, неверие, отчаянье кажутся Блоку закономерным возмездием за измену своим прежним идеалам, мечтам о Прекрасной Даме.

Беспощадность к себе, готовность признать и даже преувеличить собственную вину — и боль о той, которая тоже «попала в круговорот», отливаются в строки знаменитого стихотворения:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Какая печаль и тревога об участи ушедшей женщины, которой так трудно будет со своим гордым и нежным характером! И какое тяжкое чувство вины за то, что «своей рукой» разрушил свое счастье, сам отвернулся от него...

Эти стихи были начаты еще до возвращения Любви Дмитриевны Менделеевой, жены Блока, когда душа поэта, измученная тоской и пьянством, по его словам, становилась «старой и седой», когда он не жалел для себя горьких слов и оживал только при вести о возвращении жены.

«Теперь — баста! Я больше не пьяная забулдыга, каковою был еще вчера и третьего дня!» — писал он матери 4 августа 1908 года.

Поразительны печальная ясность и благородство стихотворения, его какая-то трагическая гармоничность, классическая простота.

Стихотворение Блока перекликается с пушкинским «Я помню чудное мгновенье...». В обоих стихотворениях есть много общего: лирический герой испытал чувство большой любви, после разлуки забыл «ее» черты, со временем вспомнил о ней — и снова возродились прежние чувства. У Пушкина воспоминания о первой встрече обрисованы в самых светлых тонах: *чудное мгновение, мимолетное виденье, гений чистой красоты, голос нежный, милые черты*. Такие же чувства и у лирического героя Блока: *ее лицо сияло на столе, он забывал обо всем «на горестной земле»*. Есть общее и в словесно-образной ткани стихотворений: «И я забыл прекрасное лицо» — «И я забыл твой голос нежный, твои небесные черты»; «мне снится плащ твой синий» — «и снились милые черты»; «ты, милая, ты, нежная» — «голос нежный», «милые черты».

Каково отношение к любимой после разлуки с ней? У Пушкина — «томленье грусти безнадежной». Не сразу рассеялись прекрасные мечты: «Звучал мне долго голос нежный / И снились милые черты». Совсем иное в стихотворении Блока: «Я бросил в ночь заветное кольцо», «И я забыл прекрасное лицо». У Пушкина дни разлуки с любимой протекали «в тревогах шумной суеты», то есть со всеми обычными проявлениями повседневной жизни. Был «бурь порыв мятежный», который отеснил личное, «рассеял прежние мечты». Было и томительное бездействие: «В глуши, во мраке заточенья / Тянулись тихо дни мои». У Блока же «летели дни, крутятся проклятым роem». То, что в послании к А. Керн выражено в обобщенной форме («в тревогах шумной суеты»), в стихотворении «О доблестях, о подвигах, о славе...» конкретизировано: «Вино и страсть терзали жизнь

мою...». Героя блоковского стихотворения ничто не могло заинтересовать, отвлечь от горестных, неотвязных мыслей, для него не нашлось ничего большего, значительного, что могло бы заменить отсутствие «ее» — единственной возлюбленной.

Стихотворение Пушкина заканчивается жизнерадостными, оптимистическими строчками: для поэта

...воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Глубокий пессимизм, безнадежность, безысходная тоска звучат в концовке блоковского стихотворения:

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла! –

так заявляет двадцативосьмилетний Блок, уставший и замученный жизнью. Стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» Пушкин написал почти в таком же возрасте — в двадцать шесть лет. Жизнеутверждающий оптимизм Пушкина и пессимистическое настроение Блока объясняются не только различием темпераментов или фактами личной биографии. Пушкина, современника и единомышленника декабристов, увлек «бурь порыв мятежный», перед ним открывались высокие общественные идеалы. Что касается Блока, то он расценивал события 1905 года как «несбывшиеся мечты». Такие настроения имели место среди части русской интеллигенции в период реакции. У блоковского героя не осталось никаких идеалов, кроме «Нее», единственно любимой, которую он по своей вине потерял, не сумел ни удержать, ни вернуть. Так сливаются в стихотворении мотивы исторического и личного возмездия.